

Патрушев Сергей

АЛХИМИЯ.
ЖЕНА РЕВИЗОРА

Сергей Патрушев

Алхимия. Жена ревизора

<https://litres.ru/74598983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альдрик — ревизор, Лея — гениальный алхимик. В мире дворцовых интриг и магии они используют запрещенные зелья («Флейм», «Эхо»), чтобы вскрывать заговоры.

Поднявшись из грязи к вершинам власти, они становятся «Тенью» и «Ведьмой» Императора. Но, раскрыв масштабный заговор с участием самого правителя, пара понимает: чтобы выжить, им нужно играть по своим правилам.

Империя — это шахматная доска, а любовь — самое опасное зелье.

Содержание

Глава 1. Формула Истины	4
Глава 2. Неожиданное повышение	19
Глава 3. Первый заказчик	37
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Патрушев

Алхимия. Жена ревизора

Глава 1. Формула Истины

Пары поднимались от медного перегонного куба густыми, маслянистыми струями. В лаборатории, расположенной на самом нижнем, скрытом от посторонних глаз этаже их особняк в квартале Серебряных Шпилей, пахло озоном после грозы, горьким миндалем и жженым сахаром. Лея, не мигая, смотрела сквозь толстое стекло на кипящую субстанцию.

Ей было двадцать пять, но в тусклом свете алхимических ламп, падавшем на ее сосредоточенное лицо, она казалась старше. Морщинка между бровей, въевшаяся под ногти черная пыль, тонкие, почти прозрачные пальцы, которые сейчас сжимали серебряные щипцы. Она была алхимиком от бога, или, как шептались завистники за ее спиной, от демонов. Там, где другие тратили годы на стабилизацию базовых реагентов, Лея видела структуру материи насквозь. Для нее зелье было не набором трав и минералов, а архитектурным чертежом, который нужно было собрать в правильной последовательности, иначе здание рухнет, погребя под собой создателя.

Сегодня она строила «Флейм».

На дне куба лениво перекатывалась жидкость цвета расплавленного янтаря. Идеальный, эталонный янтарь. Лея убрала руку от нагревательного кристалла. Пульсация магического тепла под ее пальцами стихла. Она выждала ровно семь ударов сердца — ровно столько требовалось, чтобы бурное кипение перешло в фазу покоя, но летучие основы еще не начали оседать.

Левой рукой, затянутой в плотную кожаную перчатку, она взяла с мраморной полки флакон из черного стекла. Внутри него билась, словно живая, субстанция, похожая на застывший дым. Экстракт корня Плачущей ивы, собранного в час истинного заката. Самый капризный компонент. Если добавить его на секунду раньше, зелье превратится в обычный, хоть и очень качественный, афродизиак. Если на секунду позже — основа «сгорит», и на выходе получится вязкий яд, от которого человек будет говорить правду, но его язык вывалится изо рта вместе с ошметками гортани.

Лея не использовала песочные часы. Она считала пульс. *Раз.* Крышка флакона откинулась с глухим щелчком. *Два.* Капля черной смолы сорвалась с края. *Три.* Она упала в янтарь. *Четыре.* Поверхность зелья даже не дрогнула. *Пять.* Но Лея видела. Видела не зрением, а внутренним оком алхимика, как капля начала растворяться, распуская тончайшие, невидимые нити. Они сплетались с молекулами основы, перестраивая их.

Она бросила в куб щепотку толченого лунного камня. По-

рошок зашипел, не долетев до поверхности, и растворился в воздухе, наполнив лабораторию запахом озона в два раза сильнее. Это был катализатор. Нити дыма от корня ивы вспыхнули серебряным светом и намертво вплелись в структуру жидкости.

Лея выдохнула.

Она сняла куб с подставки, перенесла его на тяжелый дубовый стол и начала процесс кристаллизации. Это была ее личная, самая опасная техника. Вместо того чтобы выпаривать лишнюю влагу, она начала вытягивать ее магией, превращая жидкость в густой гель, а затем — в россыпь мелких, острых кристаллов. Они оседали на стенках, звеня, как стекло.

Зелье «Флейм» не предназначалось для питья. Его нужно было вдыхать.

Кристаллы «Флейма» при контакте с теплым воздухом начинали медленно сублимироваться, выделяя газ. Газ этот не имел ни вкуса, ни запаха. Он проникал через легкие напрямую в кровь, а оттуда — в синапсы головного мозга. Он не туманил рассудок, как дурман. Напротив, «Флейм» выжигал любую способность ко лжи. Он делал правду физически необходимой. Человек под его воздействием испытывал почти сексуальное, мучительное расслабление, граничащее с экстазом. Его мышцы переставали держать напряжение, челюсть отвисала, веки тяжелели, и из самой глубины души, минуя фильтры воспитания и страха, начинали рваться сло-

ва. Истинные слова.

Лея закончила. На дне куба осталось лишь несколько мерцающих рубиновых песчинок — отходы производства, смертельно токсичные. Она ссыпала их в свинцовый контейнер.

— Работает, — вслух сказала она пустой лаборатории, просто чтобы услышать собственный голос.

Она взяла стеклянную воронку и начала аккуратно пересыпать кристаллы «Флейма» в хрустальный распылитель. Работа требовала абсолютной тишины. Кристаллы были острыми, как битое стекло, и невероятно хрупкими. Одно неверное движение — и они осыплются в обычную, хоть и дорогую, пыль.

Лея так увлеклась процессом, что не заметила, как тяжелая дубовая дверь, всегда запертая на три магических засова, беззвучно приоткрылась.

Альдрик вошел в лабораторию на цыпочках. Его мягкие кожаные сапоги, подбитые для бесшумности фетром, не издавали ни звука. В руках он держал стопку имперских пергаментов, перевязанных алой лентой с сургучной печатью Ревизорской коллегии.

Он только вчера получил это назначение. Ревизор Империи Дарилия. Звучало весомо, но на деле означало, что ближайшие полгода, а то и год, он проведет не в седле с мечом наголо, а в душных архивах, проверяя ведомости на поставку фуража для северной армии и законность пошлин в портовых городах. Его магия иллюзий — тонкая, изящная, спо-

собная заставить человека увидеть то, чего нет, или не заметить того, что есть — казалась ему самому насмешкой над его новым статусом. Какая польза от умения навести морок на вражеский отряд, если твоя главная битва — это спор с казначеем о двух недостающих мешках овса?

Он хотел тихо положить документы на полку у входа, поцеловать жену в макушку и уйти, не отвлекая ее. Лея в процессе творения была подобна натянутой струне. Но пол под его ногой предательски скрипнул.

Лея вздрогнула. Ее рука, державшая воронку, дернулась.

Кристаллы «Флейма» — рубиновая, острая, почти готовая смерть — посыпались мимо горлышка распылителя прямо на каменный пол.

— Альдрик! — выдохнула она, бросаясь вперед.

Но было поздно. Десятки острых граней ударились о камень. Раздался звук, похожий на треск ломающегося льда.

Лея рухнула на колени, пытаясь собрать их ладонями, но кристаллы уже начали реагировать на тепло комнаты. Воздух над полом задрожал.

— Не дыши! — крикнула она, но сама уже сделала глубокий вдох, инстинктивно задерживая его.

Альдрик замер. Он не дышал. Как маг иллюзий, он умел управлять своим телом лучше обычных людей — мог остановить сердце на полминуты, если того требовал морок. Он стоял, стиснув зубы, и смотрел, как воздух над рассыпанным зельем начинает густеть.

Это не был дым. Это было марево. Абсолютно прозрачное, оно искажало пространство, заставляя каменные плиты пола казаться вогнутыми. И вместе с этим маревом пришел запах.

Сначала Альдрик не понял, что это. Пахло детством. Нагретой солнцем травой на заднем дворе их старого дома, пылью чердака и почему-то — свежесвеженным хлебом. Его плечи, скованные напряжением после тяжелого дня в ратуше, сами собой опустились. Стопка пергаментов выскользнула из ослабевших пальцев и рассыпалась по полу.

«Какая ерунда, — лениво подумал он. — Зачем я пришел? Надо просто лечь. Прямо здесь, на полу. Так тепло».

Он глубоко, с наслаждением вдохнул.

Лея, стоявшая на четвереньках, увидела, как меняется лицо мужа. Маска усталого чиновника, вечно недовольного бюрократией, сползла с него, как гнилая штукатурка. Глаза Альдрика, обычно холодные, цвета грозового неба, потеплели, подернулись влагой. Уголки губ поползли вверх в блаженной, совершенно бессмысленной улыбке.

— Альдрик, — позвала она шепотом, медленно, стараясь не делать резких движений, отползая к столу. — Посмотри на меня.

Он повернул голову. Его взгляд был расфокусированным, но ясным. — Леюшка, — протянул он голосом, полным такого неприкрытого, детского обожания, что у нее похолодело в животе. — Ты светишься. Почему ты светишься изнутри?

Это из-за платья? У тебя новое платье? Оно цвета... цвета честности.

Лея замерла. «Флейм» работал. Но работал не так, как в колбе. В колбе он был просто химическим ключом, отпирающим замок языка. Здесь же, на открытом воздухе, он смешался с магическим фоном лаборатории, с ее собственными страхами и его усталостью. И зелье нашло самую короткую дорогу к правде — через эмоции.

— Иди сюда, — Альдрик протянул к ней руку, не делая, впрочем, попытки встать. Он просто лежал на каменном полу, раскинув руки, и глупо улыбался. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Лежи, — скомандовала Лея, поднимаясь на ноги. Она быстро оценила объем рассыпанного зелья. Концентрация в воздухе была смертельной, если вдыхать ее часами, но сейчас она медленно оседала. У них было минут десять, пока кристаллы полностью не распадутся. — Скажи.

Альдрик сел, скрестив ноги. Он выглядел абсолютно, непристойно счастливым. — Я провалил назначение, — сказал он радостно. — Император Грейс смеялся мне в лицо. Сказал, что маг иллюзий в Ревизорской коллегии — это как использовать боевого голема для колки орехов. Назначил меня старшим проверяющим по учету ночной стражи в Южном порту. Южный порт, Леюшка! Там крысы в казначействе размером с собаку, а я должен считать, сколько факелов они сожгли в прошлом месяце. Я ненавижу факелы. От них

воняет.

Он говорил это с восторгом человека, сбросившего с плеч гору. Лея знала, как для него важна была эта должность. Он готовился к ней три месяца, зубрил имперское право. И вот — крах. Но «Флейм» превратил его унижение в освобождение.

— Это не все, — Альдрик наклонился вперед, его глаза лихорадочно блестели. — Главный казначей, лорд Вейн... Ты знаешь, что он делает по вторникам? — Альдрик, осторожнее, — Лея сделала шаг к нему, готовая в любой момент накинуть на него звуконепроницаемый полог, если он начнет кричать. В их доме отличная слышимость, а такие признания стоят головы. — Он не пересчитывает золото, — Альдрик перешел на заговорщицкий шепот. — По вторникам, ровно в три часа, он запирается в кабинете с младшим конюхом. Они... Леюшка, они переодеваются в шелка и бьют друг друга по ягодицам серебряными ложками. Я видел. Я наложил иллюзию сквозняка, приоткрыл дверь и смотрел. Это так... так по-настоящему. Не то что эти их скучные балы. Ложки, Леюшка! Представляешь?

Лея закусила губу, чтобы не рассмеяться. Картина была настолько абсурдной, настолько не вяжущейся с чопорным, вечно потеющим лордом Вейном, что ее нервное напряжение начало спадать.

— А еще... — Альдрик вдруг осекся. Его блаженная улыбка дрогнула. — А еще я боюсь.

Тон изменился мгновенно. Воздух в лаборатории, казалось, похолодел на несколько градусов. — Боюсь, что ты меня разлюбишь, — сказал он совсем тихо, глядя на свои руки. — Когда ты работаешь, ты становишься чужой. Твои глаза стеклянные. Ты смотришь на меня, а видишь свои формулы. Я для тебя просто... источник финансирования и бесплатная защита, если к нам вломятся грабители. Я красивый, сильный, полезный. Удобный муж для талантливого алхимика.

Лея почувствовала, как пол уходит из-под ног. Это было хуже, чем лорд с ложками. Это было то, о чем она запрещала себе думать по ночам, когда Альдрик спал, а она сидела над своими колбами до рассвета.

— Это неправда, — прошептала она. — Правда! — почти выкрикнул Альдрик, и в его голосе зазвенели слезы. «Флейм» не терпел отрицаний. — Я люблю тебя так, что больно дышать. А тебе просто... удобно. Ты вышла за меня, потому что мой род древний, а моя магия может скрыть запах твоих зелий от ищеек Инквизиции. Я — твой идеальный щит. И я ненавижу себя за то, что мне этого мало. Я хочу, чтобы ты смотрела на меня так же, как на свой проклятый «Флейм».

Кристаллы на полу почти исчезли. Розовое марево начало редеть. Альдрик моргнул, словно просыпаясь от глубокого, тяжелого сна. Его взгляд сфокусировался на лице Леи.

Он смотрел на нее долго, секунд десять. А потом его лицо исказилось.

— Ты... — прохрипел он.

Счастливым, открытым, уязвимым человек исчез. На его месте сидел маг. Опасный, оскорбленный в своих самых глубоких чувствах маг иллюзий.

— Ты опоила меня, — его голос стал низким, вибрирующим. В воздухе вокруг его рук начал сгущаться холодный, сизый туман — предвестник серьезной иллюзии. — Это «Флейм», да? Твоя новая игрушка.

— Альдрик, нет! — Лея выставила руки вперед. — Это случайность! Ты вошел, я рассыпала... Я не хотела! Послушай, это просто побочные эффекты, зелье еще не стабильно!

— Побочные эффекты? — он горько, лающе рассмеялся. — Ты только что вскрыла мне череп, Лея. Ты вывернула меня наизнанку на этом каменном полу. Ты слышала, что я говорил? Слышала, да? Про лорда Вейна? Про ложечки? Император Грейс оторвет мне голову и пришьет ее задом наперед, если это дойдет до ушей двора. А про тебя? Ты довольна? Узнала, что твой муж — жалкий, сентиментальный дурак, который боится, что жена его не любит?

— Я люблю тебя, — сказала Лея. Это было первое, что пришло ей в голову, и это была абсолютная, оглушающая правда.

Альдрик замер. Сизый туман вокруг его рук дрогнул. — Не смей, — прошипел он. — Не смей говорить это сейчас. Твой язык смазан этой дрянью. Ты скажешь что угодно, лишь бы я не...

— Я люблю тебя больше, чем стабильность реторты! — закричала Лея, делая шаг к нему. — Больше, чем идеальная кристаллизация! Больше, чем Империя, чем Грейс, чем вечная жизнь! Когда я смотрю на тебя, у меня внутри все горит, Альдрик! Горит так же, как сейчас горит воздух от «Флейма»! Я вышла за тебя не из-за щита! Я вышла за тебя, потому что в тот день, когда ты пытался продать мне поддельную лицензию на торговлю, и твой морок с фальшивой печатью поплыл, потому что ты нервничал, я посмотрела в твои глаза и поняла, что пропала! Ты самый честный лжец, которого я встречала!

Она задыхалась. По щекам текли злые, горячие слезы. Она никогда не говорила так много слов подряд. Она привыкла общаться формулами, весами и жестами. Но «Флейм», остатки которого все еще висели в воздухе, требовал завершения реакции.

Альдрик смотрел на нее во все глаза. Сизый туман иллюзии рассеялся без следа. Его плечи поникли. Вся его магическая броня, вся напускная злость ревизора рухнула под тяжестью ее слов.

— Леюшка, — выдохнул он.

— Иди сюда, — она протянула руку.

Он поднялся с пола, сделал два неуверенных шага и сгреб ее в объятия. Он был выше ее на голову, и Лея уткнулась лицом в его камзол, вдыхая запах кожи, дорожной пыли и чего-то неуловимо родного.

— Я идиот, — сказал он куда-то в ее волосы. — Я чуть не убил нас обоих. Иллюзия на «Флейме»... Если бы я успел сплести серьезный морок, мы бы сейчас галлюцинировали, что горим в аду.

— Ты не успел, — глухо ответила она. — Ты просто надышался и рассказал, что казначей бьет конюха ложками.

Альдрик фыркнул, а потом расхохотался. Громко, искренне, сотрясаясь всем телом. Лея присоединилась к нему. Это была истерика — реакция на смертельную опасность, на унижительную откровенность и на невероятное облегчение.

Они смеялись, стоя посреди лаборатории, усыпанной имперскими пергаменами и свинцовой пылью от отходов.

Когда смех стих, Альдрик чуть отстранился, но не выпустил ее из рук. Он внимательно, уже серьезно и трезво, посмотрел ей в лицо. — Это правда работает, — сказал он. — Твоя формула. Она не просто заставляет говорить. Она делает правду... вкусной. Желанной. Я хотел ее говорить.

— Я знаю, — кивнула Лея. — В этом и опасность. Человек под «Флеймом» испытывает облегчение. Он благодарен за то, что его выслушали. Это идеальное средство для допросов. Никто не будет молчать под пыткой, но все будут петь соловьями, если им пообещают, что за правду их не осудят.

— Император Грейс... — начал Альдрик и осекся.

Лея напряглась. — Что Император? — Я был у него сегодня. На аудиенции. Он принимал мои верительные грамоты ревизора. — Альдрик понизил голос до шепота. — Он

старый, Леюшка. Гораздо старше, чем пишут в придворных листках. И он... пустой. Я смотрел на него, пока он говорил о благе Дарилии, и видел за его тронем только холодную, черную дыру. Ему скучно. Ему смертельно скучно править.

— Это ценные наблюдения, — медленно произнесла Лея. — Но не для твоего отчета. — Именно, — Альдрик кивнул. — Но если бы у меня в кармане был распылитель с твоим «Флеймом»... Представь. Грейс вдыхает. Мы ведем светскую беседу о налогах. И он вдруг говорит: «Знаете, Альдрик, мне плевать на налоги. Я хочу достроить тот фарфоровый павильон в Летнем саду, который начал мой дед. И я боюсь, что мой сын — бездарный мясник, который развалит империю в первый же год. Передайте мне соль».

Лея невольно прыснула, но тут же стала серьезной. — Это оружие, Альдрик. Не средство для допросов. Оружие. Если распылить «Флейм» в тронном зале во время большого приема... Вся империя утонет в правде. Аристократы начнут резать друг друга прямо на паркете, услышав, что о них думают их «верные друзья» на самом деле.

— Поэтому мы никому о нем не скажем, — твердо сказал Альдрик. Он отпустил ее и подошел к столу. Подобрал один из рассыпанных свитков, отряхнул от пыли. — Ревизор Альдрик будет считать факелы в Южном порту. Это отличное прикрытие. А алхимик Лея...

— А алхимик Лея пойдет в подвал, — закончила она. — И спустит остатки «Флейма» в кислоту. Формула не стабильна.

Эмоциональный фон мага искажает ее до неузнаваемости. Мне нужно работать над связующим звеном.

— Я помогу, — сказал он.

Лея удивленно подняла брови. — Ты ненавидишь мою работу. — Я ненавижу, когда ты отдаляешься, — поправил он. — А если я буду сидеть рядом и смотреть, как ты колдуешь над пробирками, ты останешься со мной. К тому же, — он хитро прищурился, — у меня есть практический опыт. Я теперь знаю, как пахнет страх казначея и как выглядит правда, когда она приносит облегчение.

Он поднял с пола свинцовый контейнер с токсичными отходами. — Я вынесу это. А ты пока налей нам вина. От этого «Флейма» во рту ужасная сушь. И, Леюшка... — Ммм? — Купи мне новые сапоги. Эти скрипят. Какой из меня ревизор, если я не могу бесшумно войти в комнату? Мне нужно практиковаться. Для легенды.

Лея покачала головой, глядя ему вслед. Ее трясло от пережитого, колени все еще подгибались. Она подошла к высокому буфету, достала два тяжелых хрустальных бокала и темно-красное вино из провинции Арно.

Она не спустила «Флейм» в кислоту. Пока Альдрик гремел чем-то в коридоре, ведущем в подвал, Лея быстро подошла к своему рабочему столу. В дальнем углу, под защитным колпаком, стоял еще один, уже готовый к запечатыванию, хрустальный распылитель.

Она открыла его. Осторожно, кончиком серебряного пин-

цета, она сняла с края куба три уцелевших, самых крупных кристалла «Флейма». Они были острыми и теплыми.

Лея опустила их в пустой распылитель. Это было против всех ее правил. Хранить нестабильное, экспериментальное психотропное вещество. Оружие, способное развязать гражданскую войну.

Но Альдрик был прав. Это было слишком мощно, чтобы просто уничтожить. И слишком опасно, чтобы отдать Императору Грейсу или его Тайной канцелярии.

Она плотно закрутила крышку. Внутри хрусталя три рубиновые искорки тускло мерцали, словно пойманные звезды. Лея убрала распылитель в потайной ящик стола, заперла его на магический замок, реагирующий только на тепло ее ладони, и только после этого разлила вино по бокалам.

Когда Альдрик вернулся, она протянула ему бокал. — За Южный порт, — сказала она. — И за конюхов лорда Вейна. Он взял вино, их пальцы соприкоснулись. — За правду, — серьезно ответил он. — Но только ту, которую мы выбираем сами.

Они чокнулись. Звук хрусталя в наступившей тишине лаборатории прозвучал как формула абсолютного, выверенного до миллиграмма доверия. За окном сгущались сумерки Дарилии, империи, которая еще не знала, что формула Истины уже написана. И теперь она принадлежала только им двоим.

Глава 2. Неожиданное повышение

Рассвет в Дарилии никогда не был мирным. Он начинался не с пения птиц, а с надсадного, вибрирующего рева сигнального рога Северной башни. Звук этот, усиленный магией старых камней, проникал сквозь закрытые ставни, сквозь пуховые подушки и сквозь похмельную головную боль, заставляя сердце пропускать удар.

Альдрик проснулся ровно за секунду до первого звука. Его тело, привыкшее за годы службы в пограничных гарнизонах спать вполглаза, среагировало раньше разума. Он скатился с кровати, перекрывая собой Лею, и выхватил из-под подушки кинжал с волнистым лезвием.

Рог взревел.

Лея села в постели, моргая. В утреннем полумраке ее растрепанные волосы казались серебряными. — Альдрик? Что это? Пожар? — Сигнал Ревизорской коллегии, — глухо ответил он, не опуская кинжала. — Код «Алый». Личный вызов Императора. Срочный.

Он произнес это, и только тогда до него самого дошел смысл слов. Личный вызов. Код «Алый» использовался только в двух случаях: начало войны или вскрытие заговора против короны такого масштаба, что счет шел на часы.

— Они не могут прислать за тобой через час после назначения, — прошептала Лея. — Ты еще даже не принял

дела у предшественника. — Я не принял, — Альдрик наконец убрал кинжал. Его руки слегка дрожали. — Потому что предшественника нет. Вчера на аудиенции Грейс сказал, что старик Вэнс, который курировал Южный порт, «уехалправлять здоровье в деревню». Деревня оказалась дном Императорского канала. Его выловили сегодня на рассвете.

Лея побледнела. — И рог... — Рог означает, что Император не хочет ждать, пока я выпью кофе и надену мундир. Он хочет видеть меня сейчас. Во дворце.

Следующие полчаса превратились в лихорадочную, отлаженную суету. Лея, уже забывшая о сне, командовала процессом с точностью метронома. Пока Альдрик, чертыхаясь, пытался застегнуть на шее жесткий, натирающий кожу воротник нового парадного камзола — того самого, который он купил для вступления в должность и который теперь казался ему удавкой, — Лея готовила «дорожный набор».

Она не была бы собой, если бы полагалась только на милость Императора. — Зажимы для языка, — она протянула ему два крошечных серебряных инструмента. — Если допрашиваемый решит откусить себе язык, чтобы не говорить. — Какая заботливая у меня жена, — криво усмехнулся Альдрик, принимая металл. — А яд? На случай, если допрашивать будут меня? — Яд в правом кармане, — она застегнула на его рукаве запонку с крошечным, почти невидимым механизмом. — Нажмешь дважды — вылетит игла. В левом — ампула с нейтрализатором «Флейма». Если кто-то распылит

его в тронном зале, задержи дыхание и вдохни это. У тебя будет три секунды, прежде чем иллюзии смешаются с правдой, и ты начнешь признаваться гвардейцам в любви.

Альдрик поймал ее за руку, когда она потянулась за щеткой для его сапог. — Лея. Я иду туда не для того, чтобы травить канцлера. Грейс вызывает меня из-за Вэнса. Меня бросают в пекло, чтобы я нашел того, кто утопил моего предшественника. У меня нет опыта в политических играх. Я умею делать так, чтобы вражеский генерал увидел на горизонте армию призраков и сошел с ума от страха. Я умею заставить торговца поверить, что его кошель набит камнями, а не золотом. Но я не умею смотреть человеку в глаза и понимать, лжет он о хищении из казны или нет.

— Ты умеешь, — Лея взяла его лицо в свои ладони. Ее пальцы были прохладными и пахли озоном. — Ты просто не знаешь, что умеешь. Магия иллюзий — это не только создание того, чего нет. Это тонкое чтение того, что есть. Когда человек лжет, его лицо, его глаза, его кожа посылают сотни микрореакций. Страх. Напряжение. Желание, чтобы от него отстали. Ты видишь эти тени, Альдрик. Ты просто никогда не позволял себе им верить. Ты слишком честен для этого мира.

— Честность — плохой щит против кинжала в спину, — он поцеловал ее ладони и отстранился. Пора было идти.

— Возьми это, — она вложила ему в руку маленький бархатный мешочек, холодный на ощупь. Внутри перекачива-

лись те самые рубиновые кристаллы.

Альдрик сжал мешочек. — Ты говорила, формула не стабильна. — Я доработала ее ночью, — спокойно, слишком спокойно ответила она. — Связала кристаллическую решетку с базовыми эмоциями. Теперь он не вызывает эйфории. Только... абсолютную ясность. И снимает страх говорить. Это не допрос, Альдрик. Это просто разговор, в котором собеседнику невыгодно врать. Он сам захочет рассказать тебе всё, лишь бы сбросить груз.

— Это соучастие в государственной измене, — сказал он, но мешочек уже исчез в потайном кармане его камзола, рядом с ампулой нейтрализатора. — Это семейный бизнес, — Лея поправила ему воротник. — Иди. И если Император начнет предлагать тебе чай — не пей.

Императорский дворец в этот час напоминал растревоженный улей, в который бросили факел. Гвардейцы в черно-золотых доспехах стояли на каждом повороте коридора, их алебарды были скрещены. В воздухе висел густой, почти осязаемый запах озона и жженой смолы — следы работы боевых магов, проверявших путь на наличие порталов и проклятий.

Альдрика вели не в Малый приемный зал, где обычно проходили аудиенции, и даже не в Зал Государственного совета. Его вели в Сердце.

Личные покои Императора Грейса находились в самом

центре дворца, за тремя кольцами стражи и лабиринтом иллюзий, которые меняли коридоры каждую полночь.

Сопровождающий — молчаливый капитан гвардии с лицом, похожим на старый пергамент, — остановился перед неприметной дверью из черного дерева. — Дальше вы один, Ревизор.

Альдрик кивнул. Он толкнул дверь и вошел.

Кабинет Грейса не имел окон. Стены были обтянуты темно-бордовым бархатом, поглощающим звук и свет. Единственным источником освещения служил огромный стол из цельного куска обсидиана. На нем не было ни бумаг, ни перьев. Только карта Империи, вырезанная из разных пород дерева, и одинокий хрустальный графин с водой.

Император Грейс сидел в глубоком кресле в тени. Альдрик видел лишь силуэт — острые колени, сцепленные в замок пальцы, блеск лысины, обрамленной венчиком редких седых волос.

— Закрой дверь, — голос Грейса был лишен всякого величия. Он звучал устало, как у старого писаря после двенадцатичасовой смены. — И сядь.

Альдрик закрыл дверь. Замок щелкнул с оглушительным в этой тишине звуком. Он сел в кресло напротив. Оно оказалось низким, заставляя его смотреть на Императора снизу вверх. Классическая поза подчинения.

— Вчера я назвал вас щеголем, — сказал Грейс, делая глоток воды. — Я был несправедлив. Вы просто не успели за-

пачкаться. — Боюсь, сегодня утром я начал, ваше величество. Я слышал о лорде Вэнсе. — Вы слышали звон, Ревизор. Лорд Вэнс — это мусор, который смыло прибоем. Проблема не в том, что он воровал. Проблема в том, *как* он воровал.

Грейс щелкнул пальцами. Обсидиановый стол ожил. Из его темной глубины поднялся сгусток света, формируя объемную проекцию. Это была не карта. Это была бухгалтерия.

Столбцы цифр, названия провинций, графики поставок. Альдрик моргнул, пытаясь сфокусироваться. — Южный порт, — Грейс ткнул пальцем в светящуюся точку. — За последние три года через него прошло зерна, руды и шелка на сумму в сорок миллионов империалов. В казну поступило... — он выдержал паузу, — двенадцать.

Альдрик присвистнул. — Двадцать восемь миллионов, — выдохнул он. — Это не взятки, ваше величество. Это бюджет небольшой войны. — Это бюджет моей новой армии, Ревизор. Армии, которой нет. — Грейс откинулся на спинку кресла. Свет упал на его лицо, и Альдрик увидел то, о чем говорил Лея. Пустоту. Глубокую, выжженную изнутри усталость. — Двадцать восемь миллионов империалов растворились. Они не в карманах таможенников. Они не на счетах лордов-губернаторов. Они просто исчезли. Мои казначеи разводят руками. Мои маги-ищейки говорят, что след обрывается в воздухе. Кто-то использует магию сокрытия такого уровня, что она сжигает саму ткань реальности.

— Или кто-то просто очень хорошо умеет считать, —

предположил Альдрик. — И прятать золото в таких активах, которые не фонят магией. Например, в долговых расписках гномьих банков. Или в контрабанде живого товара.

— Вы умный мальчик, — кивнул Грейс. — Слишком умный для Южного порта. Именно поэтому вы здесь. Я не назначал вас в порт. Вэнс был моим псом. Он грыз тех, на кого я указывал, и получал свою кость. Мне не нужен пес. Мне нужен волкодав, которого боятся свои.

Грейс наклонился вперед. Его глаза, выцветшие от возраста, впились в Альдрика. — Я объявляю Чрезвычайное положение, Ревизор. С этой минуты вы не проверяете Южный порт. Вы проверяете Империю. Всю. От северных рудников, где пропадают караваны с мифрилом, до столичных банков, на которые тратятся деньги, предназначенные для сиротских приютов.

— Ваше величество, — Альдрик сглотнул. Во рту пересохло. — Ревизорская коллегия — это десять человек. У меня нет штата. У меня нет полномочий казнить. Я не могу перевернуть Империю в одиночку.

— Вы — Ревизор, — отрезал Грейс. — Это титул, а не должность. У ревизора нет штата. У него есть право задавать вопросы. А за отказ отвечать на вопросы ревизора в военное время полагается плаха. Я только что объявил войну коррупции, Альдрик. И мне нужен генерал.

Император поднялся. Он оказался неожиданно высоким. Он обошел стол и остановился прямо перед Альдриком. —

Ваша первая цель, — голос Грейса стал ледяным. — Лорд Маркус ди Кроули. Министр общественных работ. Человек, который строит мосты.

Грейс указал на северную часть проекции. Там, над горами, светилась линия Великого Северного тракта. — Мост через ущелье Грёз. Строительство началось пять лет назад. Вложено восемь миллионов. Моста нет. Есть каменный остов, который рухнет от первого же ветра. Ди Кроули каждый год приезжает ко мне с чертежами и просит еще денег. Вчера он прислал счет на закупку «особо прочных канатов из паутины ледяного паука». По цене золота.

— Вы хотите, чтобы я проверил счета? — Я хочу, чтобы вы проверили его душу, — Грейс улыбнулся, и это была страшная, неживая улыбка. — Говорят, вы обладаете... определенным талантом. Ваш предшественник Вэнс тоже имел магию. Он умел делать так, чтобы люди видели в нем доброго дядюшку. Они открывали ему кошельки и сердца. А потом он их грабил. Ваша магия, Альдрик, — иллюзия. Вы заставляете людей видеть то, чего нет. Используйте это. Заставьте ди Кроули увидеть, что его каземат в тюрьме уже готов, а палач точит топор.

— Я не палач, ваше величество. — Вы — Ревизор, — повторил Грейс. — Палач — это я. Вы просто приносите мне правду.

Император вернулся в кресло. Аудиенция была окончена. — У вас есть неделя, Альдрик. До следующего отчета. Если

вы не найдете, куда ушли первые десять миллионов, вы займете место Вэнса в канале. Не пытайтесь бежать. Мои люди найдут вас даже в утробе матери. Свободны.

Альдрик вышел из кабинета на подгибающихся ногах. В приемной его ждал секретарь с кожаной папкой. — Ваши верительные грамоты, Ревизор. И ордер на доступ в любые архивы. Включая Тайные.

Альдрик взял папку, даже не взглянув на нее. В голове была звенящая пустота. Он шел по коридорам дворца, кивая гвардейцам, а перед его глазами стояла карта Империи, пожираемая черной плесенью исчезнувших миллионов.

Дом встретил его тишиной. Лея сидела в малой гостиной. Перед ней на столике стояла карта — точная копия той, что проецировалась на стол Императора, — и дымилась чашка с отваром.

Она подняла на него глаза. В них не было ни страха, ни удивления. Только холодное, сосредоточенное внимание. — Ну? — спросила она. — Он сошел с ума, — Альдрик упал в кресло и залпом выпил отвар, который она подвинула к нему. Он даже не спросил, что это. — Двадцать восемь миллионов. Он хочет, чтобы я нашел их. Всех. Дал ему головы виновных. Дал ему мост через ущелье Грёз. У меня неделя.

— Неделя — это много, — Лея встала. Она не суетилась. Она двигалась плавно, как вода. — Грейс дал тебе не просто титул. Он дал тебе карт-бланш. Ордер на Тайные архивы —

это ключ к его собственным секретам. Он боится, Альдрик. — Чего? — Того, что деньги ушли не на сторону. Что их взял кто-то из ближнего круга. Кто-то, кто спит за стеной от его спальни. — Она подошла к карте, провела пальцем по линии Великого Северного тракта. — Ди Кроули. Министр — это жирная, легкая цель. Но если Грейс указал на него первым, значит, он либо действительно виноват, либо... — Либо он козел отпущения, которого не жалко скормить толпе, пока настоящий вор прячет золото, — закончил Альдрик.

— Именно, — Лея кивнула. — Ты не пойдешь в архивы. Не сейчас. Ты пойдешь в «Пьяного сома».

Альдрик удивленно моргнул. — В портовый кабак? — Лучшая информация никогда не лежит в папках с сургучными печатями, — она взяла с полки свой плащ. — Она гуляет по улицам, спит с девками и жалуется на жизнь после седьмой кружки эля. Лорд ди Кроули строит мост. Это значит — камень, лес, металл. Это значит — подряды. Подряды — это купеческая гильдия. А в гильдии всегда есть тот, кого обманули. Того, кому не заплатили.

— Лея, это опасно. Тебя могут узнать. — В «Пьяном соме» меня знают как вдову Хлою, которая держит лоток с пирогами на пристани, — она усмехнулась. — А ты пойдешь как мой брат. Пьяный грузчик с дурным нравом. Твоя магия иллюзий, Альдрик. Сделай так, чтобы от тебя разило дешевым пойлом за три ярда, а твое лицо казалось всем красной, одутловатой маской. Никто не будет разговаривать с Ревизо-

ром. Но все будут разговаривать с пьяным грузчиком, который хочет выбить зубы поставщику гнилых досок.

Альдрик посмотрел на жену. На ее спокойное, решительное лицо. Страх, сжимавший его сердце во дворце, начал отступать, уступая место чему-то другому. Азарту. — Ты пойдешь со мной на допрос к ди Кроули? — спросил он. — Я не пойду, — она подошла вплотную, запах озона и горького миндаля снова окутал его. — Я тебя туда отправлю. И дам тебе голос.

Она достала из кармана платья бархатный мешочек. — Ты доработала его, — понял Альдрик. — Я стабилизировала его на базе страха, — Лея развязала тесемки. Внутри, в полумраке гостиной, кристаллы «Флейма» пульсировали тусклым, тревожным багровым светом. — Я назвала это «Эхо». Он не заставляет говорить правду обо всем. Он заставляет говорить правду о том, чего человек боится больше всего. Ди Кроули боится не плахи, Альдрик. Он боится банкротства. Бесчестья. Того, что его вышвырнут из высшего света и ему придется доживать век в долговой яме. «Эхо» вытащит этот страх на поверхность. Он сам начнет умолять тебя забрать у него деньги, лишь бы ты не рассказывал обществу, что он спит с собственной кухаркой и подделывает векселя.

— Это чудовищно, — прошептал Альдрик. — Это эффективно, — отрезала Лея. — Грейс хочет войну. Мы дадим ему войну.

Она достала один кристалл. Он был размером с ноготь ее

мизинца, острый, как осколок стекла. — Слушай меня внимательно. Инструкция. Ты не кладешь это в рот. Ты не растворяешь в вине.

Лея подошла к его камзолу. Ее пальцы быстро, профессионально нащупали шов у воротника. — В твоём воротнике, — она говорила тихо, почти касаясь губами его уха, — есть потайной карман. Сюда.

Она вложила кристалл в крошечный, невидимый глазу кармашек. — Когда ты будешь сидеть напротив ди Кроули, просто слегка потри воротник большим пальцем правой руки. Трение высвободит микрочастицы. Концентрация будет ничтожной. Кабинет наполнится газом за десять минут. Он решит, что это просто духи или пыль. Но когда ты задашь правильный вопрос... — она сделала паузу, — он услышит, как его собственный страх кричит у него в голове.

— А если он начнет задыхаться? «Эхо» токсично? — Для лжецов — да, — в голосе Леи впервые за утро проскользнула сталь. — Для честных людей это просто легкий озноб.

Она закончилаправлять кристалл и отступила на шаг, оглядывая его. — Выглядишь как настоящий Ревизор. Слишком чистый.

Ее руки снова взлетели к его шее. Она растегнула верхнюю пуговицу камзола, смяла безупречный воротник, провела ладонью по его волосам, словно пытаясь пригладить их, но на самом деле лишь взлохмачивая. — Вот, — удовлетворенно кивнула она. — Теперь ты выглядишь как человек,

который не спал ночь, потому что его вызвали во дворец, и который сейчас хочет только одного — выпить.

Альдрик перехватил ее руку. — Лея. Если нас поймают... Грейс отдал меня под трибунал. Тебя — на костер.

— Не поймают, — она поцеловала его в центр ладони. — Потому что мы будем действовать быстрее, чем они успеют понять, что происходит. Империя гниет, Альдрик. Кто-то должен вскрыть этот нарыв.

— Я ревизор, а не хирург. — Сегодня ты будешь и тем, и другим, — она взяла с вешалки его дорожный плащ с глубоким капюшоном. — Иди. Я буду ждать тебя здесь. Если не вернешься к закату — сожги карту.

«Пьяный сом» оправдывал свое название. Воздух в таверне не был густым, как сироп, от запаха кислого пива, немых тел, дегтя и гниющей рыбы. Под ногами чавкала грязь, в которой плавали опилки, призванные впитывать рвоту.

Альдрик, следуя роли, ввалился в общий зал, тяжело навалившись на плечо Леи. — Осторожнее, братец, — буркнула она голосом простолюдинки, таща его к дальнему столу. — Опять нализался, как свинья.

Альдрик что-то невнятно промычал, икнул и попытался обнять за талию проходившую мимо подавальщицу. Та безгласно отстранилась.

Они сели в самый темный угол. Лея заказала себе эль, а Альдрику — воду, сославшись на то, что «его сейчас стош-

нит».

План был прост. Лея, как «сестра», должна была завести разговор с местными завсегдатаями — портовыми рабочими, мелкими контрабандистами и клерками из гильдии. Жалобы на жизнь — лучший способ развязать язык. Альдрик же, изображая полуживое бревно, должен был слушать. Его магия иллюзий позволяла ему не только создавать мороки, но и расширять слух, отсекая лишний шум таверны и концентрируясь на конкретных голосах.

Прошел час. Лея смеялась, хлопала соседей по плечам и сетовала на дороговизну аренды их «лотка». Альдрик, уронив голову на стол, методично теребил воротник.

Сначала он услышал общие жалобы. — ...Ди Кроули совсем озверел, — басил кто-то за соседним столом. — Взял подряд на брус для мостовых опор. Дуб, северный, выдержанный. Привезли ему. А он говорит — жук поел. Не приму. Скинул цену вдвое. А через неделю я вижу этот «поеденный жуком» дуб на отделке его новой виллы!

— Это цветочки, — вторил ему сиплый голос. — Вы на стройку-то его смотрели? Там же рабыдохнут, как мухи. Платит медью, а кормит помоями. Камень кладут на известке пополам с песком. Мост рухнет, помяните мое слово. Первый же ледоход.

Альдрик напрягся. Это были уже не просто жалобы. Это были факты. Мошенничество с материалами, использование рабского труда, нарушение имперских строительных кодек-

сов. Этого хватило бы, чтобы отправить ди Кроули на плаху. Но это было слишком... просто. Слишком мелко для исчезнувших двадцати восьми миллионов. Министр-взяточник — это понятная, бытовая коррупция. А Грейс говорил о дыре в бюджете, которую не могут найти маги.

— Тихо, — вдруг сказала Лея, наклонившись к Альдрику. Ее голос прозвучал прямо у него в ухе, хотя она сидела на месте. — Слушай. Третий стол, у камина.

Альдрик скосил глаза. Трое мужчин. Одеты не как портовая шваль. Сукно дорогое, хоть и заляпанное соусом. Пальцы — без следов тяжелого труда. Один из них, седой, с тяжелым перстнем на указательном пальце, говорил, понизив голос до шепота. Альдрик чуть повернул голову, и его слух, направленный магией, прорезал гомон таверны.

— ...графит, я тебе говорю, — шептал Седой. — Не золото. Не руда. Графит. — Бреешь, — ответил его собеседник, молодой парень с бегающими глазами. — Я счета видел, дурень! — Седой стукнул кружкой по столу. — Ди Кроули скупает весь графит в северных шахтах. Весь! По цене, в десять раз превышающей рыночную. Вагонами. Куда ему столько? Карандаши для всей Империи строгать? — И куда он его везет? — А вот это вопрос, — Седой пьяно ухмыльнулся, но глаза его оставались трезвыми и злыми. — В накладных значится «утеря в море». Караван выходит из порта. На полпути — шторм. Караван тонет. Страховая выплачивает ди Кроули компенсацию. Золотом. А графит... гра-

фит всплывает через месяц в Свободных портах. Под флагом Островной Республики.

Альдрик замер. Графит. Магический проводник. Дешевый, грязный, но необходимый для создания крупных накопителей энергии. — Зачем Республике столько? — спросил Молодой. — Затем, что они строят стену, идиот, — прошипел Седой. — Огненную стену. А для нее нужны конденсаторы. Тонны графитовых пластин. Ди Кроули не ворует деньги. Он их... стирает. Он переводит золото из казны в графит. Графит уходит Республике. А Республике плевать на наши законы. Они платят услугами.

Услугами боевых магов. Или наемников. Или информацией. Альдрик почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это был не скандал. Это была государственная измена. Министр общественных работ продавал ресурсы Империи потенциальному врагу, а деньги проводил через страховые выплаты за «утонувшие» грузы. Вот почему маги-ищейки не могли найти след — золото превращалось в камни, а камни исчезали в море, чтобы всплыть в другой стране.

— Он завтра будет в городе, — продолжал Седой. — Приезжает принимать отчетность у казначея стройки. Будет в своем городском особняке. Рвет и мечет, говорят. Казначей где-то ошибся в нулях, и ди Кроули не может свести баланс. Боится, что Грейс начнет копать.

Лея незаметно коснулась колена Альдрика. Пора уходить. Они поднялись, покачиваясь, и побрели к выходу. На ули-

це, под холодным морозящим дождем, Лея сняла с себя платок простолюдинки. Ее лицо было бледным. — Изменник, — выдохнула она. — Он продает Империю по частям. — И завтра он будет в своем особняке, — Альдрик нащупал под воротником кристалл. — В ярости и панике. Идеальное состояние для «Эха».

— Ты не пойдешь к нему завтра, — Лея схватила его за руку. — Не в особняк. Там защита, гвардейцы, маги. Тебя схватят на пороге. — Куда тогда? — К его казначею. — Лея посмотрела на мужа тем самым взглядом, от которого у него всегда перехватывало дыхание. Взглядом алхимика, смотрящего на идеальный, только что созданный кристалл. — Человек, который ошибся в нулях. Человек, который знает, где лежат настоящие книги. Человек, который сейчас боится своего господина больше, чем Ревизора. Мы поймаем его, когда он будет выбегать из особняка. В переулке. Там, где нет свидетелей.

Альдрик смотрел на дождь, на мокрую брусчатку, на профиль жены. Утром он был младшим клерком, боявшимся бумажной работы. Днем — Ревизором, получившим карт-бланш от Императора. А сейчас, в этом переулке, под шум дождя, он впервые почувствовал себя хищником.

— Хорошо, — кивнул он. — Иди домой. Приготовь нейтрализатор. И... еще один кристалл. На всякий случай.

Лея секунду смотрела на него, затем молча поцеловала в щеку, мокрую от дождя, и растворилась в сумерках.

Альдрик остался один. Он глубоко вдохнул сырой воздух столицы. Запах дождя смешивался с едва уловимым, фантомным ароматом озона и горького миндаля, который, казалось, теперь навсегда пропитал его одежду.

Завтра.

Он развернулся и пошел прочь от порта, в сторону богатых кварталов, высматривая в толпе испуганное лицо казначея, который еще не знал, что его главный страх — быть пойманным — вот-вот обретет голос.

Глава 3. Первый заказчик

Обособняк купца второй гильдии Гаспара «Сыча» располагался в торговом квартале, зажатой между складами пряностей и бойнями. Район этот никогда не спал. Ночью здесь воняло не дерьмом и гнилью, как в порту, а деньгами: сладковатым смрадом тростникового сахара, приторным духом гниющих фруктов и острым, металлическим запахом свежей крови.

Альдрик стоял в тени арки напротив кованых ворот купца. Час был поздний, но окна первого этажа особняка ярко светились. Гаспар «Сыч» не спал. По донесениям осведомителей из городской стражи, купец каждую ночь лично пересчитывал товар, свозя его в подвал через потайной ход из соседней мясной лавки.

Альдрик потерял воротник камзола. Кристалл «Эха», спрятанный Леей, охлаждал кожу сквозь ткань. Рука сама тянулась потереть его, чтобы выпустить микрочастицы, но Ревизор сдерживался. Магия Леи была скальпелем, а не дубиной. Применять ее нужно было в закрытом пространстве, когда жертва расслаблена и не ждет удара.

Ворота со скрипом приоткрылись. На улицу выглянул громила с перебитым носом — личная охрана Сыча. — Чего надо? Лавки закрыты.

Альдрик шагнул в круг света от масляного фонаря. Он

не стал использовать сложную иллюзию. Его магия работала тоньше. Он не менял свой облик, он менял *восприятие* себя другими. Он позволил своей ауре — ауре Имперского Ревизора, холодной, давящей, пахнувшей озоном и властью — просочиться сквозь поры кожи.

— Открывай, — сказал Альдрик тихо.

Громила моргнул. На секунду лицо Ревизора показалось ему размытым, а за спиной Альдрика почудились тени двоих гвардейцев с алебардами. Охранник судорожно сглотнул, посторонился и захлопнул за гостем калитку.

Гаспар «Сыч» ждал его в кабинете. Это был маленький, похожий на крысу человечек с редкими волосами, зализанными поперек лысины, и бегающими глазками-бусинками. Он сидел за массивным столом из черного дерева, нервно теребя перстень. Перед ним стояла открытая шкатулка с золотыми монетами.

— Ревизор? — голос Сыча был высоким и дребезжащим. — Какая честь. Я как раз пересчитывал пожертвования в фонд вдов стражников. — Оставьте монеты, купец, — Альдрик прошел вглубь кабинета, не дожидаясь приглашения. Он сел в кресло для посетителей — глубокое, мягкое, намеренно расположенное так, чтобы свет от канделябра на столе бил гостю в глаза, оставляя хозяина в тени. Классическая уловка. — Я здесь не из-за вдов.

Сыч побледнел. Его пальцы, перебиравшие золото, замерли. — Налоги уплачены в срок, — быстро залепетал он. —

Все до империала. У меня квитанции. Вон там, в синей папке. — Я не из казначейства, — Альдрик закинул ногу на ногу. — Я — Ревизор. Император Грейс интересуется не тем, сколько вы платите, а тем, сколько вы прячете.

— Я честный торговец! — взвизгнул Сыч. — Честные торговцы не возят шелк в бочках из-под солонины, — Альдрик говорил ровно, почти монотонно. — И не платят портовой страже фальшивым золотом, которое слезает позолотой через час, оставляя в руках стражников медные кругляши.

Сыч вжался в спинку кресла. На его высоком лбу выступили капли пота. — Это... это ошибка. Конкуренты. Ди Кроули подослал... — Ди Кроули строит мосты из песка, — перебил Альдрик. — Ему не до вас. А вот мне очень интересно, куда уходит тот шелк, который вы не декларируете. Имперские шелка, купец. Контрабанда стратегических тканей. Это уже не штраф. Это плаха.

Альдрик видел, как пульсирует жилка на шее купца. Видел, как расширяются его зрачки, пытаясь уловить в полумраке кабинета хоть какую-то подсказку, хоть намек на то, что это блеф.

Пора.

Альдрик незаметно провел большим пальцем по воротнику. Раздался едва слышный, на грани слуха, хрустальный звон — кристалл «Эха» выпустил первую дозу.

Воздух в кабинете не изменился. Но Альдрик, обладавший магическим зрением, увидел, как от его руки отделя-

ется тончайшая, невидимая струйка багрового пара. Она не поднималась к потолку. Она стелилась по полу, густела, и, словно живая, потянулась к креслу Сыча, оплетая его ножки, поднимаясь по обивке.

Купец шумно втянул носом воздух. — Что-то... чем-то пахнет? — он принюхался. — Миндаль? — Это от свечей, — солгал Альдрик. — Новая партия воска. Успокаивает нервы.

Он активировал вторую часть плана. Магия иллюзий. Альдрик не создавал видений. Он работал с акустикой и пространством. Он сделал так, чтобы стены кабинета, обитые дубовыми панелями, начали казаться Сычу чуть дальше, чем они есть. Потолок — выше. А голос самого Альдрика — глубже, вибрируя прямо в костях купца, минуя уши.

— Успокойтесь, Гаспар, — сказал Альдрик. — Я не хочу вашей смерти. Император не хочет вашей смерти. Император хочет, чтобы в казне было золото. Отдайте мне то, что вы прячете, и я напишу в отчете, что нашел лишь незначительные ошибки в бухгалтерии. Вы заплатите штраф. Выдохните. Будете спать спокойно.

Сыч смотрел на него, не мигая. Багровая дымка «Эха» уже достигла его легких. Купец сделал глубокий, судорожный вдох, словно ему не хватало воздуха.

Зелье Леи не туманило разум. Оно делало правду физически *легче*. Ложь под «Эхом» ощущалась как проглоченный раскаленный уголь. Она жгла пищевод, давила на грудь, перекрывала кислород. А правда... правда приносила облег-

чение, похожее на оргазм.

— Я... я не могу... — прохрипел Сыч. Его глаза начали увлажняться. — Он убьет меня. — Кто? — мягко спросил Альдрик. — Ди Кроули? — Нет... — Сыч облизнул пересохшие губы. — Хозяин.

Альдрик внутренне подобрался. Хозяин. Это слово в криминальном мире Дарилии означало только одно. — Пираты?

Сыч кивнул. По его щеке скатилась слеза и затерялась в сальных волосах. — Западный архипелаг. Капитан... Капитан «Ржавого Серпа». Я не хотел! Клянусь, Ревизор! Они пришли год назад. Сожгли мою барку с шерстью. Сказали, что это налог за проход через их воды.

— И вы согласились платить, — подсказал Альдрик. — А что мне было делать?! — взвизгнул Сыч, срываясь на фальцет. — Гвардия гоняется за ними месяц и возвращается ни с чем! А эти... они всегда знают, где мои корабли! Они дали мне выбор: платить им десять процентов от всего неучтенного груза, или смотреть, как мои дети идут на корм рыбам!

— Вы платите пиратам, — Альдрик почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. — Вы спонсируете тех, кто грабит берега Империи. — Я бизнесмен! — Сыч вдруг подался вперед, его глаза лихорадочно блеснули. Зелье «Эха» полностью вступило в силу, снимая последние барьеры страха перед властью и переключая фокус на истинный, глубинный ужас купца. — Вы не понимаете! Это гениальная схема!

Альдрик замер. — Схема? — Да! — Сыч начал задыхать-

ся от восторга, его речь стала быстрой, сбивчивой. — Я везу шелк. Официально — десять рулонов. В декларации — десять. Налоги с десяти. Но в трюме, под мешками с гнилым зерном, спрятано еще пятьдесят. Пятьдесят! Я не декларирую их в Дарилии. Я везу их в нейтральные воды. Там меня встречает «Ржавый Серп». Я продаю им шелк за полцены. Наличными. Золотом.

— Вы теряете половину прибыли, — нахмурился Альдрик. — Я не теряю! — Сыч счастливо рассмеялся, и этот смех в полумраке кабинета звучал как предсмертный хрип. — Потому что по документам я везу эти пятьдесят рулонов... в никуда! Они сгорают! Нападают мифические пираты! Призраки! Я прихожу в порт, плачу страже за «героическую оборону», показываю пробитые борта — мои люди их пробивают еще в море, для виду — и иду к страховщикам!

Осознание ударило Альдрика, как хлыстом. — Вы страхуете несуществующий товар, — прошептал он. — Получаете полную стоимость от Имперской страховой гильдии. А сам товар продаете пиратам. Вы получаете деньги трижды. От продажи. От страховки. И экономите на налогах.

— Именно! — Сыч сиял. — А с пиратами я в доле! Часть страховки — им! Они защищают мои *настоящие* караваны, потому что им выгодно, чтобы я процветал! Никто никого не грабит, Ревизор! Это симбиоз! Мы просто... перераспределяем богатства Империи!

Купец замолчал, тяжело дыша. Багровая дымка в воздухе

кабинета сгустилась, реагируя на его эйфорию. Сыч только что признался в тройном мошенничестве, страховом сговоре и государственной измене.

Альдрик сидел неподвижно. Его лицо оставалось бесстрастной маской Ревизора, но внутри все похолодело. Дело было не в купце. Сыч — мелкая сошка, жадная крыса. Но схема... схема была слишком чистой. Слишком эффективной. «Ржавый Серп». Западный архипелаг.

Альдрик вспомнил разговор в «Пьяном соме». Графит. Который «тонет» в море. Если пиратский флот контролирует торговые пути, если у них есть свои люди в портовой страже и, как теперь выяснилось, отработанная схема со страховками... Они могут вывозить из Империи что угодно. Хоть золото, хоть графит для Республики. И это будет выглядеть как несчастный случай.

Сыч вдруг икнул. Его блаженная улыбка дрогнула. Багровая дымка «Эха» начала медленно оседать. Купец моргнул, фокусируя взгляд на лице Альдрика. И по мере того, как химический дурман отступал, на его лице проступал первобытный, животный ужас.

— Вы... вы заставили меня... — прошептал он. — Это была магия. — Это была правда, Гаспар, — Альдрик поднялся. — А правда, как вы только что узнали, бывает очень разговорчивой.

— Вы не можете использовать это в суде! — Сыч вскочил, опрокинув кресло. — Это добыто под магическим воздей-

ствием! Коллегия адвокатов... — Мне не нужен суд, купец, — Альдрик подошел к столу и взял из шкатулки одну золотую монету. Повертел ее в пальцах. — Мне нужен порядок.

Он щелкнул пальцами. Иллюзия. Для Сыча щелчок прозвучал как удар грома. Канделябр на столе вспыхнул ослепительным белым светом. Тени в кабинете вытянулись, превратившись в фигуры безликих палачей с топорами. Воздух стал ледяным.

— Вы напишете чистосердечное признание, — голос Альдрика теперь звучал отовсюду, отражаясь от стен. — Вы укажете все имена. Всех капитанов. Все координаты мест встреч. Вы вернете в казну все деньги, полученные по фальшивым страховкам. До последнего медяка. — У меня нет столько! — взвизгнул Сыч, закрывая голову руками. — Пираты забрали... — Тогда вы продадите особняк. Свою жену. Свои почки, — равнодушно закончил Альдрик. — Если я узнаю, что вы солгали в признании... «Эхо» — лишь малая часть того, чем владеет моя жена. У нее есть формулы, которые заставляют человека отгрызть себе язык, потому что он лжет самым фактом своего существования. Мы поняли друг друга?

Сыч рухнул на колени. — Да! Да, Ревизор! Все, что угодно! Я напишу!

— Прямо сейчас, — Альдрик пододвинул к нему чернильницу и чистый лист пергамента.

Купец, трясаясь всем телом, обмакнул перо. Его рука вы-

водила буквы, а по щекам текли слезы облегчения. Он признавался. Он сдавал всех. И с каждым словом, ложившимся на бумагу, его ужас перед Ревизором сменялся безумной, почти религиозной благодарностью. Зелье Леи оставило после себя долгий шлейф — чувство того, что самую страшную тайну наконец-то выслушали.

Через двадцать минут Альдрик вышел из особняка Сыча. В кармане лежал теплый еще, исписанный каракулями пергамент. Дело было сделано. Первое дело Ревизора закрыто.

Но удовлетворения не было.

Альдрик шел по ночным улицам, и запах бойни казался ему теперь запахом крови его собственной страны. Если Сыч — лишь один из многих в этой цепочке, если пиратский флот — это не просто банда висельников, а логистическое крыло чьего-то заговора...

Он достал из кармана кристалл связи. Небольшой, гладкий камень, настроенный на лабораторию Леи. Сжал его в ладони. Через секунду в камне вспыхнул теплый свет. — Все в порядке? — голос Леи прозвучал напряженно. — Лучше, чем я ожидал, и хуже, чем хотелось бы, — Альдрик остановился в пустой подворотне. — Он работал на пиратов. «Ржавый Серп». Они используют страховые схемы для контрабанды.

На том конце повисла тишина. — Альдрик, — голос Леи стал на тон ниже. — Слушай меня внимательно. Иди домой. Не через главные улицы. Срежь путь через переулки, но дер-

жись освещенных мест. И каждые пять минут проверяй, нет ли за тобой «хвоста».

— Лея, что... — Я проверила кристалл «Эха», который дала тебе во второй раз, — перебила она. — Тот, запасной. Я не стабилизировала его на страхе.

Кровь отхлынула от лица Альдрика. — На чем? — На ярости, — тихо сказала Лея. — Я назвала его «Кинжал». Он не заставляет говорить. Он заставляет действовать. Тот, кто его вдохнет, решит, что его самый страшный враг находится в радиусе трех шагов, и попытается его убить. Самым доступным способом.

— Зачем? — выдохнул Альдрик. — Зачем ты это сделала? — Я не для тебя его делала! — в голосе Леи зазвенела истерика, которую она тут же подавила. — Это был заказ. Три дня назад. Человек в сером плаще. Он не назвался. Пришел в лабораторию через черный ход. Сказал, что ему нужно средство для «решения деликатных проблем в высшем свете». Я отказала. Но он... он оставил золото. Очень много золота. И образец волос.

— Образец волос? — Для настройки, — голос Леи дрожал. — «Кинжал» должен бить по конкретному человеку. Тот заказчик хотел убить кого-то во время бала. Сделать так, чтобы виновного казнили за немотивированную агрессию. Я синтезировала яд, Альдрик. Я отказалась его отдать, но формула... формула осталась у меня в голове. И кристалл, который я дала тебе сегодня утром... я перепутала мешочки. Я

положила в твой воротник «Кинжал».

Мир Альдрика качнулся. — Сыч... — Ты тер воротник, когда злился на него, — глухо подтвердила Лея. — Когда ты понял про пиратов. Ты злился. Ты потирал шов. «Кинжал» начал выделяться. Но ты маг, Альдрик. Твоя собственная магия иллюзий, которой ты окутал кабинет, чтобы напугать купца, вступила в реакцию с зельем. «Кинжал» ищет врага. А иллюзия... иллюзия показала ему врага.

— Меня, — прошептал Альдрик. — Сыч должен был броситься на тебя с ножом для бумаг, — сказала Лея. — С криком, что Ревизор — шпион пиратов. У тебя был бы труп в кабинете, признание, написанное рукой убитого, и алиби, потому что ты был в другом конце комнаты. Идеальное убийство. Заказчик убил бы двух зайцев: убрал бы Ревизора в первый же день и дискредитировал магию иллюзий.

— Почему он не напал? — Альдрик оглянулся. Темная улица позади была пуста. — Потому что ты оказался слишком хорош, — с гордостью и страхом сказала Лея. — Твоя правда, то, как ты с ним говорил... Твой авторитет Ревизора оказался сильнее химической ярости. Он начал писать, и действие «Кинжала» перешло в латентную фазу. Но оно там, Альдрик. Оно осело в его крови. Он написал признание, но он все еще хочет тебя убить. Как только действие «Эха» полностью выветрится, а страх перед тобой уступит место панике... он вспомнит.

— Я иду домой, — Альдрик перешел на бег. — Будь осто-

рожен. Тот человек в сером... он знал, кто ты. Он знал, что ты получишь назначение. Заказ на тебя поступил еще до того, как Император Грейс назвал твоё имя.

Связь оборвалась.

Альдрик бежал по лабиринту торговых улиц. Он больше не играл роль. Он сбросил личину усталого чиновника. Сейчас он был боевым магом. Его пальцы сплелись в защитную руту, а глаза сканировали каждую тень.

Он свернул в узкий переулок, чтобы срезать путь к Серебряным Шпилям. Здесь воняло помоями и мочой. В конце тупика горел одинокий фонарь, роняя желтый свет на мокрую брусчатку.

Альдрик замедлил шаг. Прислушался. Тихо. Только где-то вдалеке лаяла собака. Он сделал еще шаг. Тень справа от фонаря, там, где должна была быть глухая кирпичная стена, шевельнулась.

Альдрик метнулся в сторону, уходя с линии атаки, и вскинул руку. Из темноты вылетел арбалетный болт. Он просвистел в дюйме от его виска и с треском впился в деревянную ставню.

Стреляли не из арбалета. Болт летел бесшумно. Магия.

— Ревизор, — голос из темноты был лишен эмоций. — Императору не нужны лишние вопросы.

В круг света вышел человек. Серый плащ. Капюшон надет так низко, что лица не видно. Только блеск глаз. В руке он держал не меч. Стекланную колбу, заткнутую проб-

кой.

— Заказчик прислал извинения, — сказал Серый. — И аванс.

Он швырнул колбу под ноги Альдрику. Стекло разбилось беззвучно. Из него не полилась жидкость. Вырвалось облако густого, черного, как смоль, дыма.

Альдрик задержал дыхание. Он знал этот состав. «Черная пелена». Алхимический газ, выжигающий слизистую глаз и легких.

Он ударил магией. Не иллюзией. Чистой, грубой силой. Слепил из уплотненного воздуха щит, пытаясь отбросить газ. Но дым оказался разумным. Он просочился сквозь воздушные поры, игнорируя физику.

Черная взвесь окутала Альдрика. В горло словно плеснули расплавленного свинца. Он упал на колени, задыхаясь, ослепнув.

— Магия иллюзий, — с презрением бросил Серый прямо ему в ухо. — Бесполезна, когда ты не видишь, что иллюзорить.

Альдрик пытался нащупать в кармане нейтрализатор. Пальцы не слушались. Легкие горели. Он умирал. В первый же день. В грязном переулке.

Внезапно боль в горле сменилась другим ощущением. Холодом. Черный дым вокруг него начал стремительно сжиматься, уплотняться, а затем с тихим хлопком исчез. Словно его всосали в невидимую воронку.

Альдрик судорожно вдохнул. Воздух был чистым. Он заморгал. Зрение возвращалось медленно, перед глазамиплыли зеленые круги.

Серый Плащ стоял в пяти шагах от него. Он больше не держал колб. Он смотрел на что-то за спиной Альдрика. И в его глазах, в глазах профессионального убийцы, Альдрик увидел то, чего не видел никогда — животный, парализующий ужас.

Альдрик обернулся. В переулке стояла Лея.

Ее волосы не были растрепаны. Они стояли дыбом, подсвеченные изнутри мертвенно-синим светом. Кожа стала белой, как фарфор. А глаза... глаз не было. Вместо них зияли два провала в абсолютную, космическую пустоту, из которых били струи морозного пара.

Вокруг ее ладоней, вскинутых в защитном жесте, вращался вихрь. Но это был не вихрь ветра. Это была замерзшая реальность. Капли дождя, падавшие с неба, превращались в лед еще в воздухе. «Черная пелена» убийцы не просто исчезла — она осыпалась на брусчатку мелкой стеклянной крошкой.

— Ты... ты должна была ждать дома, — прохрипел Альдрик.

Лея не ответила. Она смотрела на Серого Плаща. Убийца медленно, очень медленно начал пятиться. — Ведьма... — прошептал он. — Ледяная...

Он развернулся и бросился бежать. Но не сделал и трех шагов. Лея чуть повела пальцем. Вихрь вокруг нее взревел.

С небес, прямо на бегущего Серого, ударила не молния. Ударил колонна из чистейшего, синего льда. Она не пронзила его. Она выросла из-под земли, заключив нижнюю часть его тела в прозрачную, стремительно замерзающую глыбу.

Убийца закричал. Это был страшный, булькающий звук. Холод жидкого азота распространялся по его ногам вверх. Одежда затрещала. Кожа пошла темными пятнами обморожения.

— Не убивай, — хрипло сказал Альдрик, поднимаясь на ноги. Его все еще пошатывало от газа.

Лея моргнула. Синева в ее глазах погасла, сменяясь обычным карим цветом. Она выглядела изможденной, на висках блестел пот. Вихрь вокруг ее рук стих.

— Слишком много сил, — прошептала она, прислоняясь к стене. — Я не рассчитала...

— Я сказал — не убивай, — Альдрик, преодолевая слабость, подошел к Серому. Тот висел в ледяной ловушке, его лицо было искажено мукой, но он был жив.

Альдрик заломил ему руки за спину, нащупывая в поясной сумке убийцы связку отмычек и еще одну пустую колбу. — У нас есть заказчик, — выдохнул Альдрик, затягивая на запястьях Серого шнур. — Живой. И у нас есть проблема. Император Грейс только что попытался меня убить. Или кто-то очень хочет, чтобы я так думал.

Лея сползла по стене на мостовую. Она дрожала от холода — ее собственная магия высосала из нее тепло. — Грейс не

дурак, — сказала она, стуча зубами. — Он дал тебе карт-бланш. Зачем ему убивать инструмент в первый же день?

— Значит, у Императора есть враги, которые действуют быстрее нас, — Альдрик обыскал пояс убийцы. Нашупал что-то твердое во внутреннем кармане. Достал.

Это был золотой медальон. Тяжелый, с гербом, который Альдрик узнал бы из тысячи. Герб дома ди Кроули.

— Мостовик, — выдохнул Альдрик. — Министр, который продает графит Республике, заказал мою смерть в день моего назначения.

Он посмотрел на жену. На мертвенно-бледную, могущественную и смертельно уставшую женщину, которая только что спасла ему жизнь, превратив целый переулок в морозильную камеру.

— Иди сюда, — Альдрик убрал медальон. — Нам нужно домой. И нам нужно поговорить с Сычом. Прямо сейчас. Кажется, наше первое дело только что стало делом о государственной измене. И мы в нем главные мишени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.